

ОТЕЦ ФЕОНА

КНИГА ТРЕТЬЯ «СВЯТОЙ САТНА»

Пролог

Весной 1621 года от Рождества Христова нескончаемые вьюги заметали дороги Европы. Города Швеции и Германии утопали в сугробах по самые крыши. Даже во Франции свирепствовала снежная пурга. Неестественные морозы сковали Париж. До конца апреля город пребывал заложником в ледяном плену разбушевавшейся стихии. Не лучше дела обстояли и на юге. В итальянской Падуе выпал снег «неслыханной глубины», а у турок в Османской империи замерз Босфор, да так крепко, что люди безбоязненно ходили по льду с одного его берега на другой. Армянские хронисты сообщали то же самое об озере Севан.

За океаном первые английские переселенцы Плимутской колонии, только в ноябре 1620 года сошедшие с торгового судна «Мейфлауэр» на американскую землю, крайне тяжело перенесли

сильные морозы и голод, свалившиеся на их головы. Лишь немногие дожили до теплых весенних дней и, если бы не бескорыстная помощь местных индейцев, выживших не было бы вовсе.

Впрочем, суровая погода никак не мешала европейцам заниматься своим любимым, веками испытанным занятием — войной, взаимным уничтожением с грабежами и насилием. В Чехии после разгромной победы в битве при Белой горе, католики по всей стране со вкусом и удовольствием резали кальвинистов и лютеран. Ровно так же, как за несколько лет до этого кальвинисты и лютеране с боевым задором резали самих католиков.

В Трансильвании князь Габор Бетлен, лишенный австрийскими Габсбургами венгерской короны, копил силы и в открытую заявлял свои права не только на венгерскую, но уже и на польскую корону. Кто знает, чем бы обернулись его притязания и как закончилось многолетнее кровавое противостояние с австрийцами, если бы в момент подготовки нового «крестового похода» на Габсбургов он вдруг не заболел, после чего очень быстро отдал богу душу, не оставив после себя прямых наследников!

В Каталонии крепостные крестьяне Ла Висбалы с оружием в руках перебили всех своих сеньоров и, соединившись с городским плебсом, превратили восстание в большую войну за отделение Каталонии от Испании. Она растянулась на де-

сятилетия, получив название «войны жнецов». Вице-король Каталонии Санта-Колома требовал от Мадрида: «Пошлите мне королевскую армию, достаточно сильную для того, чтобы сокрушить этот народ». Армия не помогла. Крестьяне и присоединившиеся к ним горожане Барселоны напали на дворец вице-короля и дома испанских вельмож и всех убили, в том числе самого Санта Колому. Лишь 32 года спустя Барселона сдалась Филиппу IV, которому пришлось подтвердить все вольности и привилегии каталонцев.

В 1620 году датчане захватили у раджи Танджура город Транкебар, а потом более двухсот лет не знали, что им с таким приобретением делать, пока наконец не спихнули этот балласт за 20 тысяч фунтов жадным до чужих территорий англичанам.

В том же году турки захватили крепость Хотин и начали поход на Речь Посполитую. Очередная война заставила поляков на время забыть свои притязания на Московский стол и сосредоточиться на новом противнике. Откровенного вранья и глупого бахвальства спесивые ляхи оставили после той войны много больше, чем это доступно здравому смыслу, но то, что война, в которой погибли почти все лошади, показала малую пригодность конницы в позиционных боях, а хваленые крылатые гусары не оказали должного влияния на ход боевых действий — это истина, оспариваемая только глупцами. Наступали новые

времена. Решающую роль в войне теперь играли пехота и артиллерия, и то и другое у поляков оказалось критически плохим, что в дальнейшем со служило им дурную службу.

В Лондоне английский парламент начал борьбу с королевским двором. За продажность и издоимство был осужден и отправлен в ссылку лорд-канцлер Френсис Бэкон, получивший тем самым возможность вдали от государственных дел сосредоточиться исключительно на философских сочинениях, что в конечном счете послужило человечеству только на пользу.

В то же время живший в Лондоне голландец Корнелиус Дреббель, за год до того создавший микроскоп с двумя выпуклыми линзами, в 1620 году построил подводную лодку. Его творение способно было оставаться под водой в течение нескольких часов, брать на борт до 16 пассажиров и погружаться на глубину 15 футов. Лодка совершила множество плаваний по Темзе, но так и не смогла вызвать энтузиазма у чинов Адмиралтейства. Впоследствии Дреббель изобрел инкубатор для цыплят, ртутный термостат, сконструировал систему кондиционирования воздуха, однако разбогатеть так и не смог, до конца жизни живя за счет собственного небольшого трактира.

В 1621 году фламандский живописец Рубенс закончил картину «Охота на львов», испанский драматург, поэт и прозаик Феликс Лопе де Вега опубликовал новеллу «Приключения Дианы»

и поэму «Андромеда», а в далекой Аргентине в городе Кордова был основан университет Сан-Карлос.

А в России от Псковского озера до Енисея, от Студеного океана до Каспийского моря люди ничего необычного в наступивших холодах не заметили, справедливо полагая — чуть теплее зима или чуть суровее, какая разница? Ни один русский летописец не удостоил напугавшую Европу стужу ни малейшим упоминанием. Писали тогда много, писали по делу. О прибытии в Россию зарубежных мастеров-«рудознатцев». О создании Анисимом Михайловым «Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» и начале издания Посольским приказом первой рукописной газеты «Куранты», которая содержала переводные иностранные новости. Об окончании работы государевым жалованным иконописцем Прокопием Чириным росписи новых царских хором: Столовой избы и Постельной комнаты. Сообщали о приезде в Москву к государю Михаилу Федоровичу царских посольств Имеретии и Гурии, искавших в Российской державе защитника от Османской империи. Отметили и неожиданное прибытие ко двору посланника гетмана Петра Сагайдачного, предлагавшего послужить своим казацким войском царю так же, как служили ему казачки донские. Упыря этого на Москве хорошо помнили, поэтому ответили уклончиво и, одарив посланника щедрыми по-

дарками, отправили обратно. Государство Российское крепло и богатело на глазах изумленных иноземцев, еще недавно в мыслях и наяву деливших ее территорию между собой. Теперь не только торговать, но и служить ей стало привлекательно и выгодно для многих европейских искателей приключений. Шел 7129 год от сотворения мира, или 1621-й от Рождества Христова. Начиная он интересно. То ли еще впереди?

Глава первая

В конце апреля весна наконец добралась и до Москвы, а в высокой каменной подклети Аптекарского приказа, находившегося в Кремле, напротив Чудова монастыря, несмотря на установившиеся теплые дни было сумрачно и сыро. Холод гулял по пустынным покоем, тесным клетушкам и узким переходам, заставленным громоздкими шкафами, стеллажами с открытыми полками и запертыми на висячие замки сундуками, о содержимом которых знали лишь несколько посвященных. Все помещения мрачного полуподвала в данный момент пустовали. Лишь в небольшой каморке у лестницы черного хода сквозь неплотно прикрытую дубовую дверь пробивалась узкая полоска света и доносились приглушенные голоса.

В квадратной комнате с низким сводчатым потолком по углам были расставлены тяжелые, грубо кованые шандалы с горящими свечами. Свечи нещадно коптили и потрескивали, выстреливая вокруг себя охлопками мелких искр. Каждый раз, как это происходило, человек, сидящий посередине комнаты на колченогом стуле, робко вздра-

гивал и сжимался в комок, стремясь спрятать лохматую голову в плечи. В этом растерянном, объятном трепетом и до смерти напуганном существе теперь с трудом можно было узнать наглого и самоуверенного холопа боярина Бориса Салтыкова Семку Грязнова по кличке Заячья губа. Он похудел, осунулся и словно бы высох, как вяленый лещ на солнце. Одежда превратилась в рубище и дурно пахла. Неопрятная борода свисала ключьями, кожа пожелтела и сморщилась. На тощей, грязной шее под судорожно двигающимся кадыком багровел большой рваный рубец — след от зубов боярина Салтыкова, едва не отправившего его на тот свет.

Семка пугливо жался на стуле, по-бабьи подгибая под себя ноги. Всем своим видом он хотел казаться маленьким, незаметным, вызывающим к себе жалость и сочувствие. Впрочем, эта бесхитростная уловка не могла ни смутить, ни разжалобить его собеседника, никогда не отличавшегося трогательной чувствительностью или каким-то особенным человеколюбием.

За узким столом, больше похожим на высокую лавку, уставленную склянками с порошками и разноцветными жидкостями, сидел, кутаясь в засаленный овечий кожух, накинутый поверх дорогого бархатного охабня, начальник Аптекарского приказа, кравчий с путем¹ Миха-

¹ Придворный чин, ответственный за стольников, подающих еду и напитки. Кравчий с путем — тот, кому назначен твердый доход.

ил Михайлович Салтыков, младший брат пре- бывавшего ныне «в заточении обратном» в одной из дальних деревень боярина Бориса Салтыкова.

Был Михаил почти точной копией Бориса, с той разницей, что всего в нем казалось меньше, чем в старшем брате. Стати, роста, страсти. Кажется, во всем он уступал опальному боярину, но люди, знавшие обоих братьев, ежели кто вздумал бы при них утверждать подобное, скорее всего только многозначительно ухмыльнулись, ибо знали, что по части хитрости и коварства не было при дворе человека искусеннее Михаила Салтыкова. Спесивый и надменный Борис в этих темных сторонах человеческой души проигрывал младшему брату безоговорочно.

Михаил вертел в руках склянку из синего стекла, со смешанным чувством любопытства и презрения поглядывая на дрожащего Семку.

— Слюни подбери! — произнес он холодным и тяжелым как свинец голосом. — Верещишь, словно кликуша на базаре! Смотреть противно!

— Милостивец! Благодетель родненький! — завыл Семка, пуще прежнего всхлипывая и вытирая опухшее лицо грязным рукавом исподней рубахи. — Христом Богом молю! Вели своим людям не пытаться меня более! Я все, что знал, рассказал. За что ироды окаянные тело мое терзают? Нет больше мочи терпеть такое живодерство! Не виноват я ни в чем!

Михаил скривил рот в изуверской ужимке, обозначавшей у него улыбку, и зловещим полусшепотом спросил:

— Значит, говоришь, не виноват и все без утайки рассказал?

— Как на духу, соколик! Вот тебе крест! — встrepенулcя Семка и неловко перекрестился разбитыми пальцами.

— Верю. Верю тебе, Сема! — поспешно махнул рукой Салтыков.

Голос его звучал по-отечески успокаивающе.

— Больше тебя здесь пальцем не тронут. Слово даю! А вот с виной огорчу. Невиноватых у нас здесь не бывает. Ты помни это, Семен!

Михаил обернулся и приказал стоящему за его спиной молчаливому как тень лекарю, одетому на иностранный манер:

— Дай ему пить.

Лекарь, не произнося ни слова, учтиво поклонился, показав безобразный горб на левой лопатке, тщательно и безуспешно скрывааемый под широкими складками старомодного пансерона¹, набитого для пышности пучками хлопка и пакли. Он взял со стола небольшую липовую ендову, наполненную водой, и протянул ее Грязному. Семка дрожащими руками схватил сосуд и жадно припал опухшими губами к его наполовину обломанному деревянному носику. Кадык судорожно

¹ Европейский камзол конца XVI века.

двигался в такт «хрустящим» глоткам, вода текла по шее за ворот сорочки, оставляя на ней мокрые следы. Пил он долго и жадно, замочив не только рубаху, но и штаны.

Закончив наконец, Семка, блаженно улыбаясь, откинулся назад и неожиданно поймал на себе внимательный взгляд Салтыкова.

— Ну как? — спросил заботливый вельможа. — Хороша у нас водичка?

— Ох! — оскалил Грязной свою заячью губу в жутковатой улыбке. — Сладкая как мед! Спаси Христос, боярин!

— Не по чину величаешь, кадийщик, — улыбнулся Михаил одними губами.

Взгляд его стал колючим и пронзительным. Спросил:

— Еще пить будешь?

— Благодарствуйте, Михаил Михайлович, не откажусь, пожалуй, еще от одной! — ответил Семка, распрямляя плечи и протягивая пустую ендову иноземному лекарю. — Налей, басурманин!

В этот момент глаза его неожиданно помутнели, из рта, пузырясь, потекла обильная желтая пена. Семка схватился за горло, в кровь раздирая его ногтями. Из глотки вместе с утробным клокотанием наружу вырвались звуки, больше похожие на рев туманного горна. Наконец тело его обмякло, он откинулся назад и безвольно, как мешок брюквы, свалился спиной на каменный пол под-